

«Смехом смерть поправ...»

[А. Лысов. *Косиножка (Новые стихи)*, Vilnius, 2004, 204 с.]

“Многими скорбями
Царствие Небесное дается...”
Деяния. 14; 22

Усмехнется ли этой незатейливой цитате, отречется ли от стерилизованного царствия поэт, сказавший: «...смехом смерть поправ, Ползу я к тебе, Господь!» («Страхи ночные»)?

Александр Григорьевич Лысов, ученый, литературовед, специалист по истории русской литературы XX века, известен в Литве еще и как автор лирического пятикнижия «Сорокодум», *изборника* сложных философских, библейско-космогонических, пародийно-философских и просто шуточных стихотворений.

В мае 2004 года, созданная «в зарасайском самозабвении», вышла в свет новая книга А. Лысова «Косиножка», тут же представленная читателю в столице, а позднее – в приютившем автора городке Зарасай. А затем в Москве, и опять в Вильнюсе, в родном университете. Как написано в предварении к томику стихов, в него «вошли стихи XXI века». Что ж... пожалуйста, друзья, в исповедальню, это интересно! Ведь поэт не может говорить о мире, иначе, чем через себя, без боязни обнажения и стыда исповеди как творческого и нравственного акта, который задает высокую силу поэзии.

(По незабываемым правилам литературной критики, поиск поэтических корней и параллелей является увлекательнейшим и

обязательным занятием для *ре-цензоров*. Но простит меня взыскательная ученая аудитория: автор статьи всего лишь скромный богомаз да неизменный почитатель творчества Александра Лысова).

Первая же страница сборника – со стихотворением «Облака светлый край» как вступительным мажорным аккордом – распаивает многомерный простор поэзии Лысова, туда хочется шагнуть непременно. Но, осторожнее, читатель. Не только ясностью и ровной чистотой завораживает и потрясает новая книга поэта. Не только время, переломное, конфликтное, наполненное мучительными психологическими коллизиями и хаосом случайностей в судьбах людей, открывается в реалиях его поэтического мира.

Не хотите ли надменности и скандальности, высокоучености и сентиментализма? Бесстыдства, небрежности, просто мата, наконец? На двухстах страницах внешне неброской, нераззолоченной книжицы «Косиножка» найдется многое... Но отыскивать небрежность у стихотворца, обладающего высочайшей культурой слова, филолога? Художественно-философский мир поэта – его лирическая вселенная и его внестиховая бытийность, как плавильный котел человеческой драмы, выдали нагора явление невиданное. Поэзия Лысова – это сплав страдания, боли, философии и космогонических озарений. Как сказал о его творчестве во вступительной статье известный литера-

турный критик А. Павловский: «как у подлинного поэта, его поэтическая философия резко своеобразна...он сам – весь! – творение боли. При такой взрывчатости темперамента, когда в стих проникает едва ли не солнечное вещество, не может быть речи о спокойной медитации, это сгустки плазмы. Стрелка его стиха не указывает на север или юг – она всегда указывает на боль». Но вместе с этим, сами «интуиции страдания» в равной пропорции введены в стихию смеховой культуры.

В книге целая философия смеха, представленная в стихах цикла «Тьма тем». Тут идет «жанрообряжение» стихотворений в «смехопытки» и «стихопыты». Найдем мы и высокое определение места шута в общей трагедии бытия: «Раз в вечность ряженный двойник, / Он входит в ангельские сонмы / Смутить усмешкой Божий лик» («Неточная рифма»). Смех у Лысова – «не дерзание обезьяны, а терзание тарзанья». Это в ответ на афоризм, повторенный Г. Гачевым: «Смех – обезьяна Бога». Шутка, едва родившись, умирает, но смех отрицает, утирает слезу, освобождает от терний, расчищает, как Ангел, пути идеалу. Он соединяет, представляя в единстве с лирикой в «стихе-пародии», которая противопоставлена официальной «трухе парадины»: «Смех не знает родины, Стих связует роды» («Жанрообряжение»).

И, наконец, смех – общечеловеческое достояние, он принадлежит только людям. И одним этим он – одна из вершин природы («Жить в бесхитростной свободе, / Зубы скалить на грозу, / В состязании с природой / Смехом утереть слезу» («Терзаний смех тарзаний»). В стихах «Косиножки» «шуту все дозволено...». Но это страшное и светлое право. Смех рифмуется со смертью, что значит, в гибели – начало, рождение вновь. Это и последние слова книги, и ее вопрос:

«Мы в безмолвье. / Рождаемся. / Вновь?..». Это и в лирических итогах смеха звучит: «Значит, не было в рифме ошибки, / Знать, и смерть не напрасно дразнил...» («Если Вы отойдете с улыбкой...»).

Изначальная потрясенность тонкой художнической природы поэта вошла в самую глубь его мироощущения, и многие его стихи сложны, неудобоваримы, подчас грубы:

*Послушай, сальный мир,
зарвавшийся эдем,
раз в год хожу в сортир,
но с пола хлеб не ем.*

*На ваши истины,
на нищеты закон,
как призрак из стены,
крошу сухой батон!
(«Острые колени»)*

Строки эти относятся к «жесткой лирике». Но в сочетании («из стены – истины») здесь представлено то, что волновало и автора, и других поэтов: «истина» ни с чем не рифмуется. Иногда до сути многих лысовских стихотворений, как через котлы воды, живой и мертвой, интуитивно изыскан предполагаемые падежи (заданная небрежность), приходится продираться *во-истину* или *по-истине* ради ее обретения. Иногда блистают и ослепляют ирония и сарказм, извлекающие слово из-под спуда формального восприятия.

Например, стихотворный цикл «Из “БСЭ”» (т.е. Из Большой Советской Энциклопедии), из «Педагогического» скрепа (книга разделена на смысловые скрепы). Стихотворение «Молот фрикций» снабжено в эпиграфе явно двусмысленной статейкой из БСЭ: «фрикционный молот (от лат. *Frictio трение*), механический молот с фрикционным подъемом бабы, предназначенный для горячей объемной

штамповки, чеканки, правки и др. целей. *Изда за низкой производительности Ф. м. (30 ударов в мин.) изготовление их практически прекращено*». Далее идут поясняющие стихи, которые, в свою очередь, разъяснены в сноске. А сноска адресована еще к двум стихотворениям и к другому эпиграфу, тоже двусмысленному, тоже из БСЭ и т.д. Все это создает многомерность восприятия поэтического слова и увязывает внешне ерничающие стихи с реальной историей, с символами культуры, с наукой и псевдонаукой, с недавним нашим прошлым и... с просто шуткой:

*БСЭ – твои приколы
Хлеще “Камасутр” и “Вед”:
Фрикционный тяжкий молот –
Это вам не “Молот ведьм”!*

*Даже тот, кто очень молод,
Вмиг оценит прежний герб –
Раз тако-ое может молот,
То на что способен серп? (...)*

*Каково ж Орлу придется,
Коль ТоТ молот, весь в труде,
Был досрочно с производства
Снят за низкий КаПеДе?*

Пусть старается двуглавый (...)

Вряд ли здесь присутствует установка только на сознательный эпатаж, скорее, улыбка автора, умеющего всматриваться и вслушиваться в невидимое. Надо же, к примеру, углядеть в той же БСЭ подпись «Г. П. Уткин», отсылающую нас одновременно и к цензорам бывшего Главлита, и к печально известному ГПУ, и к газетным «уткам».

Скрепцы-циклы или главы книги, по словам автора «Косиножки», выверены по объему и соотношению (с 11-ю, 22-мя, 33-мя стихотворениями). Здесь идет погружение фарса жизни в лирическую трагику; фабульно это представлено как увязание души в

опошляющей ее материи существования. Метафорически – это постоянное слесывание горя жизни и смеха безбьтия. Но книга, состоящая из сложных частей, должна восприниматься как неразрешимая целостность, как другое единство, динамическое. «*Это попытка порядка в хаосе. Или хаос, ищущий высшего порядка. Поэтому в завязи стихотворений в циклы и в соединении малых глав в большие образования – в разделы и книгу в целом – и смысл, и плод предстоящий... Стихи, как люди... каждый по своему хорош и прекрасен по отдельности, а сложи их в сообщества – они вдруг обнаруживают себя “не очень” и часто далеко не прекрасными. Но, тем не менее, эти объединения именуются нациями, народами, человечеством... Так и в увязывании стихов в единство. В динамике соотношений, циклизации они теряют отдельные черты. Но дают новый, больший смысл...*» (Из письма А. Лысова автору рецензии).

Глубокая внутренняя контрастность в поэзии Александра Лысова – от смятенности и бесприютности духа до ощущения незыблемости мироздания, «синтаксиса бытия» – сочетается с эмоционально-обостренным чувством богоискания: «*Бог богат! / Но прежде многих, / Стих, коль посох он в дороге, / То и Бога богатит*» («Не суди, читатель строгий...»). Ибо не может со-творец Творцу не чувствовать присутствия Божия на земле. Но и на этом пути Лысов трагик и самомучитель.

Бо...

(Этимология)

Неполно ведь – «спасибо...»

Твердите: «СпасиБог»!

Спасиво у «спасибо» свисает злое «бо...».

*В «бо...» речевой порок, в «бо...» недомолвлен Бог,
Как будто рабский слог споткнулся о порог?*

И в нем отказов – «бо...»

Несказанная боль,
И оправданий с «ибо...»,
И «о», в итоге.
Ноль.
Согласное сносилось, в конце – открытый слог,
У Бога от «Спасибо...» оборван правый бок.

Вновь взаимоисключающие непримирение и потребность веры. И снова боль. Даже в почти детском, сдвоенном «бо-бо». Прав, видимо, А. Павловский, написавший, что книга «*литургична*», и смех в ней присутствует как христианское чувство, избавление от страдания, движение души к радости и спасению. Но есть и открытая травмированность душевного мира в миру житейском. Оттого книга и зовется «Косиножка».

Вот прекрасная ЖИЗНЬ, где есть любовь («*всем существом исполнен я тобой, / Как беззащитны верящие руки*») и пречистые небеса над Литвой, и «*несносный шмель*», лучом приколотый к цветку, и «*богородицын легкий следок*» в березовых рощицах. И есть *паучок Косиножка* в заглавном стихотворении. Существо, у которого вырывают лапки и поют над агонией конечностей жестокую детскую потешку: «*Коси, косиножка, / По пустой дорожке...*». И висит на паутинке судьба: «*Прополз прокосом, / На волосе висит...*». И поэт корчится в «жизни-потешке» вопросами бессмертия души. Бессмертие для него не относительно и условно: оно абсолютно, равно как и смерть.

По какому же тяжкому праву пушкинское «*весь я не умру*» в стихотворении Лысова «Отсрочка» обращается в жестокую самоиронию? «*Боже мой, Боже, не дай умереть, / Надо сироткам слезу утереть, / Сад посадить, в церковь сходить, / Книг наплодить и врага устыдить. // С неба нарочный – в объятьях любви: / – Брат непорочный, живи и живи! / – Что же? / Надолго отсрочка дана. / Надо б – глоточек за это вина. / Кружка-*

подружка, еще по одной. / Стал у церквушки просить выходной (...) // *Ох, как неумно. / Не тело, а взвесь. / Будто я умер, но умер не весь. / Частью здоровой взошел к небесам, / Все остальное, больное – я сам! / Боже всевластный – ведь я не герой, / Чтобы спастись для смерти второй. / Я уничтожен на четверть, на треть, / Кто же способен на это смотреть? / Господи, дай мне – всему умереть!»*. Это моление не о душевной боли. Для кого-то это, может, «*похмельные*» стихи (в цикле «Из вредных привычек»), но только не для автора. У него своя «отсрочка» пребывания на земле. Подобное звучало еще в «Сорокодуме»: «*Тем вас тешу в смертной мгле, / Что – / по туловищу в могиле – / Остаюсь / все ж на земле*» («Послесловие»). Ампутированы обе ноги, в сложном состоянии пребывающая правая рука, левая – уже без пальца – это реальность жизни поэта, боль существования оскорбленной природы. Боль, которую поэт трансформирует в красоту и мужество души. Всякий волен, читать эти строчки или не читать. Но «вторая смерть» – это ведь из Апокалипсиса, это полное уничтожение! Но «*вестник нарочный*» опять приносит нелегкую отсрочку в жизнь... Да, быть бы Лысову горьким для нас, но не это главное в его поэзии. «*Диапазон взлета*» (Г. Гачев), освобождающего, беспределен: «*Душа отцепляется от низких скреп и не хочет знать этого всего. А то, чего она не хочет знать, оказывается и не нужным. И в природе закована частица бессмертного рая, и сама душа несет в себе память его. А то, что прах – то и отпадет с недремлющими змеями и “чертовой куклой” тела, да и всей пошловатостью окружающей нас реальности*» (из письма А. Лысова).

«*За черту / К нечаянному Слову, / Где едины Промысл и мысль... / Боже! Ведь никто не остановит. / Не окликнет: / Мертвый*

обернись!..». Поэтическое слово Лысова – «взвихренное, динамичное» (Инна Ростовеца), легкое даже в размышлениях на вечные темы, живет в световом озарении и обращается звуковой волной. Многогранное, изысканное, наполненное энергией мысли, оно возбуждает, тревожит, печалит, веселит, а нередко загоняет в кроссвордческие тупики. Вот четверостишие «Сфет»: «В этой книжке много света. / Свет частями списан с Фета. / Потому что этот свет – / Не весь свет, местами – “сфет”». А сиди, отгадывай, то ли Афанасий Фет представлен здесь как автор русской «Ave Maria», то ли как мрачный крепостник, жарко интересующийся проблемами выращивания брюссельской капусты! Или Лысов о себе пишет, о своем пристрастии к «световому космосу Фета»? В какой степени и какому читателю доступны тексты-интерпретации-эксперименты из области литературоведения, упорная мысль, заключаемая в лексеме и синтаксические конструкции? Где и синтаксис, и азбука – узы бытия. Но «читай, глядишь – и поумнеешь», разобравшись в художественной телеологии «Помешанных столбцов» и «Блудных баллад» поэта-ученого. И быть бы, возможно, Лысову непостижимым для нас, если бы «изостренное на великих литературных образцах» (А. Павловский) перо автора не воссоздавало несоизмеримо большее действие – животворящую стихию русского языка. Русский поэт Литвы (продолжающий свою профессиональную деятельность как научный сотрудник Виль-

нюсского университета) в одиночестве литовской провинции пишет многое и о многом из глубины русского слова. Вот «Россия», в стихотворении «Рос сияние»:

*Для кого Россия – россияне,
Для кого рассеянность Иванья,
Для иных – народов рассеянье,
Для других: раз – тьма, а раз – сиянье,
Роз ваянье или рос стоянье,
Таяние снежных расстояний.*

*Для меня ж – родная – РАССИЯНЬЕ,
Рассиялась в звездном океане
И взошла посевами сияний!*

*Только, по несчастью, рос не я в ней...
Шел от звезд.*

Снежинки.

К сини.

К яви...

Русь моя, Россия, Россияне!

Ведь без Вас... давно –

И я – не Я,

НЕ...

Кто-то обнаружит в тексте стихотворения, включенного в последний цикл книги «Полынь – Звезда», отработанную аллитерацию, а кто-то – бьющийся пульс поэтического слова, пронзенный драматическим чувством историко-культурной связи с духовной Родиной – Россией.

Преодоление чувства Богоставленности мира, зримое и слышимое прозрение пограничий добра и зла, заключенное в неподдельность творчества поэта, составляет основу новой книги стихов. Поэзия Александра Лысова являет собой то «настоящее» в русской культуре Литвы, что одухотворяет нашу земную жизнь.

Ольга Кириченко